

М.Ю. Барбашин

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация: *Анализируются институциональные аспекты влияния политической идеологии на этносоциологические исследования. Автор подчеркивает, что изучение этничности в Советском Союзе носило политизированный характер и использовалось для академического подкрепления национальной политики. В транзитивные годы этносоциология стала инструментом политической борьбы между этноэлитами. Автор делает вывод, что необходима деидеологизация этнологических исследований, у которых не хватает позитивистской выдержанности.*

Ключевые слова: *Социология, этносоциология, этнос, идеология, этничность, институты, власть, управление, конфликт, этномифы*

До конца 1980-х гг. в Советском Союзе этносоциологические и этнологические исследования развивались в особом идеологическом и институциональном фоне, который нуждается в социологическом исследовании, поскольку с тех пор напрямую влияет на методологические процессы в этносоциальных исследованиях.

Советская этносоциология развивалась в институциональных условиях, которые значительно отличались от ситуации, складывающейся с социальными и гуманитарными науками на Западе. В западном академическом сообществе этничность понимается в основном как “раса”¹, “изучение этничности” – это, главным образом, социологический анализ идентичности и поведения групп мигрантов, прибывающих в портовые города². Аналогом советской, а позднее и российской этнологии традиционно выступают прикладная антропология и теория национализма³.

Политическая подконтрольность и идеологизация исследований (которая проявилась, в частно-

сти, в примитивизации этничности как “отсталой” формы развития нации) стали институциональными причинами отставания советской этносоциологии от западной науки, падения уровня диссертационных работ социальных и гуманитарных специальностей, недостаточного использования иностранных источников и небольшого количества прикладных исследований.

Советская этносоциология не была независимой ни в заимствовании западных методологических достижений, ни в экспертных оценках. Упоминать в печати о межэтнических проблемах было невозможно. В условиях партийного диктата и идеологического контроля ученым было проще изучать этничность за пределами Советского Союза, в Канаде, Африке или Азии, чем социологически “вскрывать” наболевшие точки в этнонациональных отношениях на Северном Кавказе или Центральной Азии. Этносоциологический анализ неизбежно был бы связан с выявлением структурных недостатков идеологии “дружбы народов”, общей критикой национальной политики и советской политической системы.

Власть опасалась развивать социологию этничности (как и почти все другие социологические направления)⁴, поддерживались скорее тщательно “до-

¹ Cornell S.E., Hartmann D. 1998. *Ethnicity and Race: Making Identities in a Changing World*. Pine Forge Press, Thousand Oaks, CA.

² Bhattacharyya G., Gabriel J. and Small S. 2002. *Race and Power: Global Racism in the twenty-First Century* (London and New York: Routledge).

³ Hechter M. 2000. *Containing Nationalism* (New York: Oxford University Press).

⁴ Дробизева Л. Этническая социология в СССР и в постсоветской России. М. 1998.

зированные” этнографические, исторические, лингвистические или краеведческие исследования традиций, языка, фольклора⁵, музыки, кухни, брачных обычаев⁶ и других культурных символов этногрупп, чтобы пропагандировать собранное этнокультурное наследие среди масс.

Научные связи между советскими учеными и западными этносоциологами были ограниченными, советским исследователям было трудно получать современную литературу, ознакомиться с новыми концепциями и методами исследований.

В советской науке исследование традиционных народов привязывалось к территории, чем к этносу как таковому из-за идеологических убеждений, что этноидентичность является слабой, а этногруппы ассимилируются. Этнокультурные исследования на Кавказе и в Средней Азии проводились применительно к конкретной республике, подчеркивалась территориальная идентификационная связь этногрупп с джамаатом или кишлаком⁷. Однако локализация этнологических исследований в Советском Союзе, как и схожая политика, проводимая Китаем по отношению к уйгурским сообществам, способствовала только укреплению локальных идентичностей⁸.

Межрегиональные исследования либо не поощрялись советской номенклатурой, либо “застревали” в бюрократической волоките и координационных согласованиях многочисленных версий противоречащих друг другу этноисторий. Одним из немногих удачных примеров стал подготовленный северокавказскими учеными на организационной основе СКНЦ ВШ как межрегионального координационного научного центра проект исследования Кавказа. Его успешность в значительной степени была определена заинтересованностью руководителей СКНЦ ВШ и РГУ. Хотя ухудшение межэтнической ситуации требовало от властей помощи научной общественности, в советское время был издан только первый том, из-за финан-

совых проблем последующие тома увидели свет уже в 2000-е гг.⁹.

Хотя идеологический контроль над этнологией не был столь жестким, как за экономикой или социологией, списки признаваемых властью этносов постоянно менялись. Они редактировались в зависимости от характера политической ситуации. Вычеркивание крымских татар из состава советских народов было связано во многом с обострением внешнеполитических отношений Советского Союза и Турции, а сложности с официальным признанием поволжских немцев стали одним из этносоциальных последствий Великой отечественной войны. Редактировались и все академические публикации, связанные с этносами, представители которых подозревались и/или обвинялись в государственной нелояльности, измене или других тяжких преступлений. Этничности, не удовлетворяющие критериям политической и идеологической преданности, а также этнолояльности, которые могли бы конкурировать с лояльностью государству, выводились из официального дискурса. Индивиды с соответствующей этноидентичностью не упоминались в партийной прессе.

В Советском Союзе фактически отсутствовала объективная и доступная мониторинговая информация об уровне обеспеченности ресурсами этногрупп. Социология была развита недостаточно. Отдельные статистические данные (к примеру, по социально-демографической и этнодемографической структуре населения) фальсифицировались, в т. ч. и в целях дезинформации геополитических противников. В условиях информационной интранспарентности национальная интеллигенция обращала внимание на:

1. Несправедливое распределение общего ресурса печатных типографских листов, имеющихся в региональных издательствах и предназначенных на выпуск монографий, сборников статей, детских книг и пр. на этноязыках.
2. Разницу в количестве подготовленных и защищенных кандидатов и докторов наук среди представителей этногрупп, и количество специалистов с высшим образованием.
3. Наличие или отсутствие специализированных гуманитарных институтов, разрабатывающих проблематику этнокультурного и этносоциального развития.

⁵ Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л.: Наука – Ленинградское отделение, 1986.

⁶ Сигорски М. Брак и брачные обычаи на Кавказе // Этнография. 1930. № 3, С. 62.

⁷ Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Южный федеральный округ. 2001. Август №1. с. 364.

⁸ Fuller G. E. and Starr S. F. 2003. The Xinjiang Problem (New York: M.E. Sharpe), p. 82.

⁹ Энциклопедия культур народов Юга России: В 9 т. Т. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ 2008.

4. Наличие или отсутствие университетов, педагогических, сельскохозяйственных, технических и других вузов, в которых могли бы обучаться на льготных условиях представители молодежи той или иной этногруппы.
5. Наличие или отсутствие театров и домов культуры, региональных телепрограмм и радиопрограмм, в которых обсуждались бы проблемы развития этнотрадиций.
6. Объем выделяемых ресурсов на поддержку народных промыслов и ремесел.

Советские ученые и власти оказались концептуально и методологически не готовы к национализму. Неподготовленность проявилась в несистемной реакции властей к межэтническим столкновениям: в Новом Узене между казахами и выходцами с Кавказа, в Фергане между узбеками и турками – месхетинцами¹⁰, этнобунтам в Душанбе, Андижане, Оше, Молдавии¹¹ и др.

С середины 1980-х историки, археологи, социологи, лингвисты, политологи стали отказываться от марксистской методологии в понимании национальных проблем. Они начали интерпретировать в националистическом русле полученные в дореволюционное и в советское и время данные археологии, лингвистики, этнологии. Этногенез в националистическом дискурсе рассматривался как прогрессивный процесс перехода от этногруппы к нации, национальной автономии и государству, которому помешала цепь случайных исторических событий или неадекватных действий управленцев.

Снижение социального статуса и символической значимости профессиональной идентичности ученого по сравнению с ростом социальной роли этноидентичности стало важным фактором депрофессионализации, деобъективизации, персонализации и эмоционализации исследований.

В конце 1980-х – начале 1990-е гг. возник общественный интерес к этноконфликтным проблемам, подкрепляемый в т. ч. и широким распространением среди интеллигенции взглядов Л. Н. Гумилева¹². Одна-

ко этот интерес не был реализован в росте политически не ангажированных исследований, которые субъективизировались по политическим мотивам.

Постсоветская активизация этносоциальных процессов на фоне депрессивных социально-экономических тенденций сопровождалась новой идеологизацией этнологических исследований. Выяснилось, что доводы и аргументы в пользу исторической “древности” этноса можно легко использовать в межэтнической борьбе с целью мобилизации сторонников и дискредитации оппонентов. В республиках, краях и областях у титульных этногрупп, а также ряда нетитульных народов (например, в среде ногайцев, абазин или шапсугов), в среде этнодиаспор появились гуманитарии – эксперты, любители – историки и общественные сторонники теорий автохтонного происхождения этногруппы. “Именно ученые (историки, археологи, лингвисты, этнологи), или “контролеры коммуникации”, снабжают сегодня как этнические группы, так и нацию желательной исторической глубиной.... Прошлое, создающее важную основу идентичности (включая территориальные пределы), не является раз и навсегда установленным. Оно подвергается постоянным проверкам, реинтерпретации и переписывается местными интеллектуалами. Такая ревизия прошлого происходит, например, во вновь образовавшихся государствах, стремящихся освободиться от колониального наследия»¹³. Историческое прошлое перетолковывалось, чтобы лучше соответствовало новым политическим реалиям.

Учитывая множество не контролируемых вооруженных этноформирований, высокий уровень межэтнического насилия и поляризацию социума по этническому признаку, гражданская ответственность, подразумевающая необходимость противостоять этнорадикальным призывам в печати и публичных выступлениях требовала от социальных ученых большого мужества. Однако вопросы о моральном долге и ответственности ученых как граждан, которые должны не только постигать социальную действительность, но и способствовать решению общественных проблем, практически не ставились. Этнологические исследования превратились в оправдания разрушительного для социума поведения этноэлит. Достижения науки использовались для прихода к власти людей, бесчувственных к запросам общества.

¹⁰ *Осинов А. Г.* Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: Наука, 2004. С. 164-223.

¹¹ *Селиванова И. Ф.* Республика Молдова: хроника Приднестровского конфликта // Кентавр. 1994. № 4. с. 151 – 157.

¹² *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990. 520 с.

¹³ *Шницерман В. А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛЮ. 2006. с. 112.

Этномифы выстраивались в соответствии с логикой этнополитического манипулирования. На Юге России, например, возникла система научных центров, в которых исследователи¹⁴ вырабатывали социально-философскую концепцию самоопределения как качества как субэтнуса русского народа.

Националистически настроенные ученые издавали монографии соответствующего содержания большими тиражами. Такие произведения с упором авторов на собственный опыт в зонах межэтнических столкновений и разделением социальных субъектов на две подгруппы: “хорошие” и “плохие”, где “хорошие” определялись как “наши” были рассчитаны на массового читателя. Псевдоисторические работы изобиловали множеством художественных сравнений, гиперболизацией отдельных фактов этногенеза, конструированием исторической связи этносов с древними цивилизациями Греции, Персии, Древнего Рима, Византийской и Османской империй. Такие работы отличаются тем, что В. Кузнецов и Чеченов И. назвали “исторической некрофилией”¹⁵. В методологическом отношении общее у таких работ одно: этногенез тех или иных южнороссийских народов выстраивался как постоянное ценностное, идеологическое и культурное противостояние с внешним врагом (обычно с Россией). Ссылки на неблагоприятные внешние обстоятельства деактуализировали проблему ответственности академической элиты за ошибочные рекомендации.

Вопрос об историческом угнетении автоматически запускал формирование социально-психологического “комплекса жертвы” на основе мифологизированных исторических обид и выгодных для националистов трактовок событий:

1. История вхождения в состав России, политическое противостояние с царскими властями и общее сопротивление этносов колониальной политике.
2. Коллективизация, этнопринадлежность тех, кто осуществлял репрессии в традиционных сельскохозяйственных регионах, а также тех, кто материально и/или политически выиграл от коллективизации.
3. Великая отечественная война, количество генералов, других высших офицеров и Героев Со-

ветского Союза среди представителей того или иного этноса.

4. Коллаборационизм, наличие или отсутствие сотрудничества с врагом в годы Великой отечественной войны со всем спектром эмоциональных оценок. От полного принятия действия советских властей той эпохи до столь же полного осуждения.
5. Сталинская депортация отдельных этносов в 1944 году, а также административные и экономические сложности возвращения репрессированных народов.
6. Этноконфликты в 1980-е и 1990-е годы.

До сих пор отечественной этнологии не хватает взвешенных и объективных работ при одновременном и сбалансированном учете точек зрения всех заинтересованных сторон. Доминируют конъюнктурные и тенденциозные описания с точки зрения доминирующих этноэлит и связанных с ними отдельных представителей академического сообщества. Региональные власти фактически не заинтересованы в развенчивании этноисторических мифов, не всегда обоснованных дат, которые помпезно празднуются, и фальсификаций отдельных исторических событий. Многие мифы (например, о “четырёхсотлетней войне России на Кавказе”) в научном дискурсе и общественном сознании господствуют уже десятилетиями.

По вопросам факта можно обратиться к научным методам наблюдения, но в вопросах идеологии аналогичного метода решения трудностей не существует. Идеологические конструкции построены на факторах веры, а значит, на факторах узких и однобоких. Идеологический стандарт предполагает общую направленность выводов исследования, анализ и эмпирическая проверка которых возможно только в будущем. Он не дает возможность открыто говорить о социально-политических и этнических проблемах, замалчивая их актуальность.

Современные идеологии построены как идеологии морального или нравственного ниспровержения. Это не столько идеологии фактов, сколько интерпретаций, не столько анализа, сколько эмоций. Они не предполагают поиск решений, а представляют собой обмен противоположными мнениями между заинтересованными сторонами. Такие дискуссии используются в качестве “идеологического оружия”, нацеленного на то, чтобы подобрать соответствующие политические обвинения и “заклеймить” оппонента. Предполагается, что тот, на кого они направлены, почувствует угры-

¹⁴ Кисилев С. В. Современное донское казачество в иноэтническом окружении // Социс. 1999. №11. с. 215.

¹⁵ Кузнецов В.А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание // Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. 1998.

зения совести или вообще некую неловкость, и тут же исправится, дабы не смущать своими аргументами и взглядами устоявшееся большинство.

Идеологические обвинения содержат образовательную и воспитательную функции, причем стороной, которая по своему внутреннему призванию должна заниматься подобным воспитанием, оказывается именно сторона, оперирующая с идеологическими обвинениями и направляющая общий ход дискуссии. С этой позиции предпринимаются попытки пересмотреть “неудобные” социологические концепции, особенно в “пограничных” междисциплинарных зонах, затрагивающих гражданство, расу, этничность или гендер. Идеологические споры очевидны в социологии этничности: конструктивисты заведомо уверены в безнравственности и/или разиме методологических оппонентов – примордиалистов¹⁶.

Вопрос свободы науки является фундаментальным для познания. Идеологизация науки оборачивается борьбой за власть, включая власть пропаганды и определения предмета этносоциологического исследования. Идеологические взгляды и политические предпочтения ученых превращают этноисторию в “дискурсивную практику, позволяющую людям отправляться в прошлое, думая о современности, копаться там и перестраивать его в соответствии со своими потребностями”¹⁷. Как следствие, современные этносоциологические исследования страдают от нехватки позитивистской беспристрастности и выдержанности.

Постсоветская идеологизация проявляется в действии политкорректности на всех уровнях социологического исследования – начиная от выбора темы и заканчивая необходимостью “правильно” сформулировать выводы, обтекая наиболее “острые углы” и применяя эвфемизмы. Зависимость образовательной и научной структуры от системы грантов, частных и корпоративных пожертвований служит своеобразным “внутренним цензором” для тех ученых, которые хотели бы получить поддержку для проведения своих исследований. Оставаться беспристрастным трудно, несмотря на позитивистские призывы объективности. Хотя этносоциологи стараются изучать этногенез с точки зрения незаинтересованного наблюдателя, ни-

куда не уйти от собственных идеологических пристрастиях и подверженности исследователей идеологическим воздействиям социума.

Современные этносоциологи чувствительны к требованиям политкорректности. Обратной стороной установления идеологического стандарта в этносоциологических исследованиях является общая постмодернистская критика, подчеркивающая невозможность “объективных” исследований, поскольку существующая терминология отражает господство политически доминирующей группы над дискриминируемыми этносами. В этом случае “неполиткорректными” оказываются даже такие названия монографий как “Проблемы этнических меньшинств” или “Власть этнической элиты”.

Этносоциологическая методология редко означает набор инструментов, методик и техник, которые успешно применяются независимо от социального контекста. Она также требует учета символической неопределенности терминологического аппарата и всех вопросов, связанных с идеологической и политической борьбой в академическом социуме. Однако без деидеологизации этносоциологического дискурса не произойдет расширение методологического пространства, в котором происходит выработка теоретических положений, гипотез и исследовательских программ в области этносоциальных исследований.

Библиография:

1. Cornell S.E., Hartmann D. 1998. *Ethnicity and Race: Making Identities in a Changing World*. Pine Forge Press, Thousand Oaks, CA.
2. Bhattacharyya G., Gabriel J. and Small S. 2002. *Race and Power: Global Racism in the twenty-First Century* (London and New York: Routledge).
3. Hechter M. 2000. *Containing Nationalism* (New York: Oxford University Press).
4. Дробижева Л. Этническая социология в СССР и в постсоветский России. М. 1998.
5. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л.: Наука – Ленинградское отделение, 1986.
6. Сигорскш М. Брак и брачные обычаи на Кавказе // *Этнография*. 1930. № 3.
7. Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах // *Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения кон-*

¹⁶ См. подробнее: *Барбашин М. Ю.* Неинституциональная концепция этничности в контексте основных направлений современной этнологии // *Социально-гуманитарные знания*. 2008 №12. с. 110-117.

¹⁷ *Jenkins K.* 1991. *Rethinking History* (London: Routledge), p. 68.

- фликтов. Южный федеральный округ. 2001. Август №1.
8. Fuller G. E. and Starr S. F. 2003. *The Xinjiang Problem* (New York: M.E. Sharpe).
  9. Энциклопедия культур народов Юга России: В 9 т. Т. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ. 2008.
  10. Осипов А. Г. Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: Наука. 2004.
  11. Селиванова И.Ф. Республика Молдова: хроника Приднестровского конфликта // Кентавр. 1994. № 4.
  12. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
  13. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛЮ. 2006.
  14. Кисилев С. В. Современное донское казачество в иноэтническом окружении // Социс. 1999. №11.
  15. Кузнецов В.А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание // Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. 1998.
  16. Барбашин М. Ю. Неинституциональная концепция этничности в контексте основных направлений современной этнологии // Социально-гуманитарные знания. 2008. №12.
  17. Jenkins K. 1991. *Rethinking History* (London: Routledge).
  2. Bhattachryya G., Gabriel J. and Small S. 2002. *Race and Power: Global Racism in the twenty-First Century* (London and New York: Routledge).
  3. Hechter M. 2000. *Containing Nationalism* (New York: Oxford University Press).
  4. Drobizheva L. *Etnicheskaya sotsiologiya v SSSR i v postsovetskiy Rossii*. М. 1998.
  5. Chistov K. V. *Narodnye traditsii i fol'klor: ocherki teorii*. L.: Nauka – Leningradskoe otделение, 1986.
  6. Sigorsksh M. *Brak i brachnye obychai na Kavkaze // Etnografiya*. 1930. № 3.
  7. Fuller G. E. and Starr S. F. 2003. *The Xinjiang Problem* (New York: M.E. Sharpe).
  8. Osipov A. G. *Ferganskiesobytiya 1989 goda (konstruirovaniye etnicheskogo konflikta) // Ferganskaya dolina: etnichnost', etnicheskie protsessy, etnicheskie konflikty*. М.: Nauka. 2004.
  9. Selivanova I.F. *Respublika Moldova: khronika Pridnestrovskogo konflikta // Kentavr*. 1994. № 4.
  10. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli*. L.: Gidrometeoizdat, 1990.
  11. Shnirel'man V. A. *Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v KhKh veke*. М.: NLO. 2006.
  12. Kisilev S. V. *Sovremennoe donskoe kazachestvo v inoetnicheskom okruzhenii // Sotsis*. 1999. №11.
  13. Kuznetsov V.A., Chechenov I. M. *Istoriya i natsional'noe samosoznanie // Problemy sovremennoy istoriografii Severnogo Kavkaza*. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU. 1998.
  14. Barbashin M. Yu. *Neoinstitutsional'naya kontseptsiya etnichnosti v kontekste osnovnykh napravleniy sovremennoy etnologii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2008. №12.
  15. Jenkins K. 1991. *Rethinking History* (London: Routledge).

References (transliteration):

1. Cornell S.E., Hartmann D. 1998. *Ethnicity and Race: Making Identities in a Changing World*. Pine Forge Press, Thousand Oaks, CA.